

Говард Филлипс Лавкрафт

Ньярлатхотеп

(Nyarlathotep)

Ньярлатхотеп... Ползучий хаос... Я последний... Мне будет внимать пустота...

Не помню точно, когда это началось, но с тех пор прошло уже несколько месяцев. Царившая повсеместно напряжённость была воистину ужасной. К политическим и социальным потрясениям добавилось странное и тягостное ощущение скрытой физической опасности, опасности всеобщей и всеохватывающей, опасности, которую можно представить только в ужаснейших фантомах ночи. Помню, люди ходили с бледными и озабоченными лицами и шептали предостережения и пророчества, которые никто не осмеливался повторить сознательно или признаться самому себе, что слышал их. Чувство чудовищной вины пало на землю, а из межзвёздных бездн приносились холодные течения, заставлявшие людей дрожать в тёмных и уединённых местах. В последовательности времён года произошла дьявольская перемена - жаркая осень зловеще затянулась, и каждый чувствовал, что весь мир - а может, и вся вселенная - перешли из-под контроля известных богов или сил к тем богам или силам, что людям неведомы.

Именно тогда и явился из Египта Ньярлатхотеп. Кем он был - этого сказать не мог никто, но в жилах его текла древняя египетская кровь, и он выглядел словно фараон. При его виде феллахи преклоняли колени, хотя и не могли объяснить, почему так поступают. Он сказал, что восстал из мрака двадцати семи веков, и что получал вести из мест, чуждых нашей планете. Ньярлатхотеп - смуглый, стройный и зловещий - пришёл в цивилизованные страны, повсюду скупая странные приборы из стекла и металла и собирая из них ещё более странные аппараты. Он много говорил об электричестве и психологии и демонстрировал силу, от которой зрители теряли дар речи, и которая невероятно увеличивала его славу. Люди советовали друг другу посмотреть на Ньярлатхотепа - и дрожали при этом. А там, где проходил Ньярлатхотеп, покой исчезал, ибо предрассветные часы оглашались воплями от кошмарных снов. Никогда прежде эти крики не были такой распространённой бедой; теперь же мудрецы едва не требовали введения запрета на сон в предрассветные часы, дабы вопли городов меньше тревожили бледную, источавшую жалость луну, тускло освещающую зелёные воды, скользившие под мостами, и старые шпили, осыпавшиеся под тусклым небом.

Я помню, как Ньярлатхотеп объявился в моём городе - величественном, древнем и ужасном городе бесчисленных преступлений. Мой друг рассказал мне о нём, о чарах и соблазнах его откровений, и я загорелся желанием раскрыть его невообразимые тайны. Мой друг сказал, что они потрясающее и ужаснее моих самых лихорадочных мечтаний; и что то, что проецируется на экран в затемнённой комнате, предсказывает вещи, которые только Ньярлатхотеп осмеливается предрекать, а в снопе его искр из людей извлекается то, что прежде никогда не извлекалось, но что различимо лишь зрением. Ещё до меня доходили многочисленные слухи, что тем, кто знает Ньярлатхотепа, открываются виды, недоступные остальным.

Была жаркая осень, когда я вместе с беспокойной толпой ночью пошёл на встречу с Ньярлатхотепом; душной ночью, вверх по бесконечной лестнице в переполненную комнату. И когда моя тень упала на экран, я увидел фигуры в капюшонах посреди руин и злобные жёлтые лица, выглядывающие из-за поваленных монументов. И ещё я увидел, как мир сражается с мраком, с волнами разрушения из далёкого космоса; как он кружится, клокочет и бьётся рядом с тускнеющим и остывающим солнцем. А затем вокруг голов зрителей причудливо заплясали искры, и волосы встали дыбом, когда появились тени, чью абсурдность я не могу описать, и опустились на головы. А когда я, более хладнокровный и более сведущий в науках, нежели остальные, стал еле слышно дрожащим голосом протестовать против надувательства и статического электричества, Ньярлатхотеп всех нас вытолкнул, вниз по головокружительной лестнице, на сырые, жаркие безлюдные полуночные улицы. Я громко кричал, что не боюсь, что вообще не могу бояться; остальные тоже кричали со мной, чтобы успокоиться. Мы уверяли друг друга, что город всё тот же самый, и всё ещё живой; а когда начали гаснуть уличные фонари, мы обрушили проклятья на электрическую компанию и рассмеялись над странными выражениями своих лиц.

Думаю, мы воспринимали нечто исходящее от зеленоватой луны, потому что когда мы попали под воздействие её света, то против своей воли двинулись странным строем и, казалось, знали, куда идём, хотя и не осмеливались об этом думать. Взглянув на мостовую, мы увидели, что она совершенно разбита, меж блоков проросла трава, а кое-где проглядывал ржавый след, обозначающий некогда проходившую трамвайную линию. Ещё мы увидели одинокий разбитый трамвай без стёкол, почти завалившийся набок. Вглядевшись в горизонт, мы не нашли третьей башни у реки и заметили, что силуэт второй башни наверху искорёжен. Затем мы разделились на небольшие колонны, и всех их, кажется, потащило в разные стороны. Одна исчезла в узкой улочке слева, оставив лишь эхо жуткого стога. Другая, заходясь безумным смехом, гуськом спустилась в заросший сорняками вход в подземку. Мою же колонну потянуло в открытую местность, и я уже чувствовал холод, неподобающий жаркой осени; потому что когда мы прошествовали через мрачное болото, нам открылись зловещие снега, ужасающе сиявшие в лунном свете. Непроторенные и непостижимые снега, со всех сторон стягивавшиеся в одном направлении - туда, где лежала бездна, ещё более чёрная из-за своих сверкающих стен. Моя колонна казалась значительно поредевшей, когда мы полусонно волочились в эту пропасть. Я отстал, потому что меня пугал этот чёрный разрыв в залитом зелёным светом снегу, и мне показалось, что я услышал отзвуки тревожного крика, когда пропали мои спутники; но сил противиться движению у меня уже не было. Меня словно манили те, кто прошёл впереди, и я плыл между огромными сугробами, дрожащий и напуганный, в незримый вихрь невообразимого.

Необыкновенно разумное, невыразимо безумное - только боги, которые были, могут сказать это. Ослабевшая, тончайшая тень, корчащаяся в руках, которые и не руки вовсе, и слепо пронёсшиеся мимо наводящего ужас полуночного мрака гниющих творений - трупов миров с язвами на местах городов - погребальные ветры, которые задевают бледные звёзды и гасят их мерцание. За мирами - смутные призраки чудовищных существ; едва заметные колонны нечестивых храмов, что покоятся на безымянных скалах на самом дне пространства и взмываются до

головокружительного вакуума над сферами света и тьмы. И по всему этому бурлящему кладбищу вселенной раздаётся приглушённый, сводящий с ума барабанный бой и пронзительный монотонный вой богохульных флейт из немыслимых тёмных покоев по ту сторону Времени; отвратительный грохот и завывание, под который медленно, неуклюже и нелепо танцуют гигантские, мрачные конечные боги - немые, бездумные горгульи, чья душа есть Ньярлатхотеп.

*Перевод: Денис Попов
2005 год*